

УДК 811.161.1'23

ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

© С.В.Чернова

В статье на примере модели поведения Р.Раскольников, героя романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание», характеризуется художественный дискурс как творческий процесс создания образа персонажа автором текста. Языковая модель поведения персонажа рассматривается в статье как отраженная в языковых формах схема его целенаправленной деятельности от замысла до осуществления замысла, в основе которой лежат мотивы и цели, обуславливающие разные виды этой деятельности. Основной единицей анализа выступают извлеченные из текста романа высказывания, образующие дискурсивное целое динамического характера, ограниченное смысловыми рамками «замысел-осуществление замысла» и эксплицирующие ключевые понятия, соотносимые с концептом «преступление». Автор демонстрирует междисциплинарный характер дискурсивного подхода к анализу языкового материала, показывает значимость при характеристике дискурса экстралингвистических факторов.

Ключевые слова: художественный дискурс, образ персонажа, языковая модель поведения, дискурс-анализ, междисциплинарный подход.

«Мне представляется, что размышления иногда полезнее постулатов. Первые дают возможность разнообразных решений в процессе анализа фактов языка, в то время как последние должны выбрать из возможных подходов один, ведущий обычно к заранее запрограммированной цели»

И.Р.Гальперин [1: 5].

В монографии Н.Б.Вахтина и Е.В.Головки «Социоллингвистика и социология языка» сказано: «Существует столько вариантов дискурсивного анализа, сколько авторов заявляют о его использовании в своих исследованиях» [2: 269]. О том же пишет Н.Ф.Алефиренко: «Понятие дискурса насколько популярно, настолько и трудно определяемо. Его популярность уже выходит за пределы научного употребления» [3: 237]. И все же мы попытаемся применить подходы, разрабатываемые по отношению к анализу текста как динамической структуры, то есть понимаемого как дискурс, к интересующему нас материалу – языковой модели поведения человека.

Работы, посвященные определению понятия «дискурс», описанию видов дискурса, дискурсивному анализу как методу исследования весьма многочисленны [4-11]. В настоящей статье мы исходим из получившего широкое распространение толкования термина «дискурс», предложенного Н.Д.Арутюновой: дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправлен-

ное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, и механизм их сознания (когнитивных процессов). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [4: 136-137].

Языковая модель поведения человека определяется нами как «отраженная в языковых формах схема его целенаправленной деятельности от замысла до осуществления замысла, в основе которой лежат мотивы и цели, обуславливающие разные виды этой деятельности» [12: 118]. Модель целенаправленной деятельности человека в том виде, как мы ее описали [12], представляет собой структуру, включающую набор ситуаций, отображаемых языковыми единицами определенной семантики, последовательность которых выстраивается в соответствии с логикой здравого смысла, практического рассуждения. Эти ситуации образуют 4 блока.

I. *Ситуация осмысления субъектом предмета потребности, мотива и цели деятельности* (установочная ситуация).

II. *Мотивационный блок, включающий несколько типовых ситуаций:* 1. ситуация осмысления природы необходимости; 2. ситуация замысла (принятия первоначального решения); 3. ситуация заинтересованности в осуществлении действия; 4. ситуация осмысления субъектом возможности для осуществления действия; 5. ситуация выражения субъективного отношения к осуществлению действия; 6. ситуация боязни и страха; 7. ситуация пробы и попытки; 8. ситуация подготовки к осуществлению задуманного; 9. ситуация принятия окончательного решения об осуществлении задуманного.

III. *Операционально-технический блок.* Ситуация осуществления замысла (достижения цели, претворения в жизнь принятого решения).

IV. *Верификация.*

Данные ситуации дают представление о модели поведения человека в рамках разнообразных видов его деятельности, связанной с принятием решений. Представленный смысловой каркас мы рассматриваем как схему, которая поможет нам обработать текстовую информацию в соответствии с поставленной целью.

Цель настоящей статьи – опираясь на дискурсивный анализ как метод научного исследования, на конкретном языковом материале показать, как на практике он может быть применен для характеристики модели поведения персонажа художественного произведения.

Мы определили, таким образом, разновидность дискурса, который будет объектом анализа. Речь пойдет о художественном дискурсе как образовании деятельностном, процессуальном, динамическом, которое создается его автором в процессе творческой деятельности.

В результате этой деятельности рождается текст, с которым имеет дело исследователь. Он представляет собой статичную структуру, книгу, которая может храниться на полке. Исследователь, взявший в руки этот текст, может подвергнуть его анализу с разных точек зрения. Наша задача состоит в том, чтобы, опираясь на метод дискурсивного анализа, эксплицировать процесс выстраивания автором текста модели поведения персонажа. Речь пойдет о Родионе Раскольникове, персонаже романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» [13].

Ясно, что каждый писатель, создавая образ литературного персонажа, выбирает ему имя, описывает его внешность, происхождение, среду обитания, погружает в определенную событийную атмосферу и т.п. в соответствии со своим творческим замыслом, мировоззрением, опираясь на свою схему построения образа и используя языковые ресурсы в зависимости от стоящей перед ним задачи. В этом и состоит специфика художественного дискурса как творческого процесса.

Стандартной, общепринятой процедуры дискурсивного анализа не существует, поэтому настоящая статья представляет собой попытку поделиться с коллегами нашими представлениями о том, как может быть применен дискурсивный подход к анализу модели поведения персонажа художественного произведения. На основе представлений о дискурсивном анализе, полученных из научных источников, мы понимаем суть этой процедуры следующим образом.

Художественное произведение (в данном случае роман Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание») рассматривается нами с двух точек зрения: как статичный текст (книга на полке как результат творческого процесса) и как дискурс, то есть сам процесс создания текста его автором. Здесь уместно привести слова Ю.Ф.Карякина, отражающие, как нам кажется, суть дискурсивного подхода к тексту: «Я не понимал или остро не осознавал, что думать над Достоевским это значит – познавать уже познанное им. *Познавать познанное*, а не рассказывать о якобы тобой познанном. Тут требуются особые усилия, особая, что ли, тренировка для самообуздания» [14: 13].

При дискурсивном подходе к тексту в рамках настоящей статьи мы концентрируем внимание не на процессе в целом, а на определенной его стадии, четко определяя объект характеристики (процесс вербализации Ф.М.Достоевским модели поведения Р.Раскольникова). Ср. суждение Е.В.Головки: «Говоря о дискурсивном анализе, прежде всего надо подчеркнуть, что «полномасштабный», близкий к идеальному дискурсивный анализ едва ли осуществлялся в каком-либо исследовании. Причина этого в том, что, приступая к анализу того или иного дискурса, представители различных научных дисциплин – социологии, политологии, психологии, культурной антропологии, литературоведения, социолингвистики и т.д. – стремятся прежде всего получить ответы на вопросы, которые связаны с их профессиональными интересами, в то время как многие другие вопросы просто не затрагиваются или остаются на втором плане ... Дискурсивный анализ, тем не менее, позволяет держать их в поле зрения, так или иначе принимать в расчет их «возмущающее» воздействие на центральную для данного исследования проблему» [15: 367]. Мы подходим к характеристике объекта с лингвистических позиций.

На первой стадии анализа мы выясняем, кто такой избранный для анализа персонаж. Это Родион Раскольников. «В отличие от нарицательного имени имя собственное не обладает значением в том смысле, что оно не обозначает класса предметов, а называет (именует) только один предмет, именно тот, который называется, нарекается – данным именем ... Позитивистская эстетика реализма XX века пренебрегала мистической ролью имени собственного. Только Достоевский, предшественник и в определенном смысле современник культуры XX века, придавал имени собственному большое значение. Так, фамилия Раскольников ассоциируется с расколом в сознании персонажа ...» [16: 110-111]. Углубляем анализ, ищем в тексте другие единицы,

именующие главного героя и дающие о нем представление.

В начале романа о Раскольнике говорится следующее: *В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей каморки ... [13: 5]. Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу [13: 6]. Шляпа ... была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах, в пятнах, без полей и самым безобразнейшим образом заломившаяся на сторону [13: 7]. Старушонка поминутно кашляла и кряхтела ... – Раскольников, студент, был у вас назад тому месяца, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее [13: 9].*

В эпилоге читаем: *В остроге уже девять месяцев заключен ссыльно-каторжный второго разряда, Родион Раскольников. Со дня преступления его прошло полтора года. Судопроизводство по делу его прошло без больших затруднений. Преступник твердо, точно и ясно поддерживал свое показание, не запутывая обстоятельств, не смягчая их в свою пользу, не искажая фактов, не забывая малейшей подробности [13: 527].*

Итак, с одной стороны, *молодой человек, студент*, с другой – *ссыльно-каторжный второго разряда, преступник*. Вычленение в тексте данных номинативных единиц – это чисто лингвистическая процедура. Анализ мог бы быть продолжен лингвистическим комментированием, то есть приведением словарных толкований слов *студент, преступник*, разъяснением того, что обозначает выражение *циммерманская шляпа*, кто такие были *ссыльно-каторжные второго разряда* в России времен Достоевского.

Однако с точки зрения дискурсивного подхода на первый план выдвигается другой вопрос: как Ф.М.Достоевский описывает процесс превращения студента в преступника, как проникает в его расколотое самосознание. Чтобы получить ответ на этот вопрос, мы исследуем текст произведения в соответствии с поставленной целью, руководствуясь схемой целенаправленной деятельности человека, позволяющей проследить путь человека от замысла к осуществлению замысла (см. представленную выше схему). При такой постановке задачи нас уже не может удовлетворить слово как единица лингвистического анализа. Нужна единица более высокого уровня. Такой единицей при дискурсивном анализе может быть набор высказываний. Стало быть, далее мы извлекаем из текста романа высказывания,

содержащие ключевые смыслы, образующие семантическую модель «замысел – осуществление замысла». В результате получаем схему из звеньев, дающих представление о модели поведения Р.Раскольникова. Естественно, схема эта очень упрощенная.

Ср.: Обозначение мотивов, обусловивших рождение замысла: *Он был задавлен бедностью» [13: 5]; Столько злобного презрения уже накопилось в душе юноши [13: 7]; осознание потребности в активной деятельности*: *Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно...а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее.*[13: 46]; формулирование главной цели: *Я переступить поскорее хотел...* [13: 268]; осмысление замысла: *...«безобразную» мечту свою как-то даже поневоле привык считать предприятием...* [13: 7]; проявление заинтересованности: *На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков боюсь! – подумал он с странною улыбкой [13:6]; осмысление возможности*: *Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было рассчитывать наверно на более очевидный шаг к успеху этого замысла, как тот, который представлялся вдруг сейчас [13: 63]; проба «предприятия»*: *Он даже шел делать пробу своему предприятию [13: 8]; состояние боязни и страха*: *Если о сю пору я так боюсь, что же было бы, если б и действительно как-нибудь случилось до самого дела дойти? – подумал он [13: 8]; принятие окончательного решения*: *... всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно [13: 63]; обозначение способа фактического осуществления действия*: *О том, что дело надо сделать топором, решено им было уже давно [13: 70]; фаза сличения полученного результата с действительностью (верификация)*: *Только и сумел, что убить. Да и то не сумел, оказывается [13: 268].*

Представленный набор высказываний – это уже дискурсивное образование, позволяющее проследить различные *стадии процесса* превращения студента в преступника и дать их семантическую интерпретацию.

Все высказывания извлечены из первой части романа (разброс страниц с 5 по 268). Если проследить нумерацию страниц, сопровождающую цитатный материал, то она не является последовательной (ср.: 5, 7, 46, 268, 7, 6, 63, 8, 63, 70, 268), поскольку отображает не типовую модель поведения человека, а ее вариант, трансформированный в соответствии с авторской волей, когнитивными процессами, протекающими в его

сознании и проецируемыми на состояния и поступки персонажа. Этот вариант модели определяется и композиционной структурой произведения, выстроенной писателем отнюдь не по стандартной схеме. В типовой модели последовательность ситуаций определяется логикой здравого смысла, практического рассуждения [12: 25-26]. Ф.М.Достоевский преследовал иную цель – изобразить логику поведения конкретного человека, который, с одной стороны, Наполеоном стать хотел, необыкновенным человеком, с другой – хотел добра людям, искал ответ на вопрос, «тварь ли он дрожащая или право имеет».

Все ситуации, эксплицируемые в высказываниях, концентрируются вокруг опорного концепта – *преступный замысел (преступление)*. Мы искали и нашли в тексте то, что могло бы быть подведено под интегративный смысл, опорный концепт – *преступление*.

Теперь вернемся к высказываниям как содержательным единицам рассматриваемого дискурса, к вычленению в их составе ключевых слов. Ключевыми словами являются существительные *бедность, презрение, замысел, проба, топор*. Среди глаголов выделим такие единицы, как *не тосковать, не страдать, а что-нибудь делать; переступить; покуситься; бояться; убить*. Приведенный набор языковых единиц говорит сам за себя. Не требуется приводить словарные толкования данных слов, чтобы понять, что все они легко подводятся под опорный концепт «преступный замысел (преступление)», давая название мотивам, замыслу, средству и способу, коим было совершено преступление.

Если обратиться к форме повествования, то даже на основе приведенного набора высказываний можно сказать, что Ф.М.Достоевский как нарратор, создатель повествовательного дискурса ведет повествование и от 3-го лица, выступая в роли всезнающего автора, наблюдателя (ср., напр.: *Он был задавлен бедностью ; Столько злобного презрения уже накопилось в душе юноши*) и от 1-го лица, передавая внутреннюю речь персонажа (ср., напр.: *Я переступить поскорее хотел*). В. Шмид пишет: «При всем кажущемся равноправии текста нарратора и текста персонажа нельзя упускать из виду, что эти тексты соединены в повествовательный текст «организирующей силой» текста нарратора» [17: 197]. Анализируя художественное произведение как дискурс и пытаясь понять, каким образом выстраивался Ф.М.Достоевским образ Р.Раскольникова и, в частности, модель его поведения, мы постоянно выходим за рамки собственно лингвистического анализа, обращаясь к суждениям о романе и его герое представителей других наук, к фактам,

дающим представление о действительности, то есть к экстралингвистическим факторам. Приведем, например, суждение литературоведа и философа М.М.Бахтина, который рассуждает о специфике подхода Ф.М.Достоевского к созданию образа Р.Раскольникова: «Теми элементами, из которых слагается образ героя, служат не черты действительности – самого героя и его бытового окружения – но значение этих черт для него самого, для его самосознания. Все устойчивые объективные качества героя, его социальное положение, его социологическая и характерологическая типичность, его habitus, его душевный облик и даже самая его наружность, т. е. все то, что обычно служит автору для создания твердого и устойчивого образа героя – «кто он», у Достоевского становится объектом рефлексии самого героя; предметом его самосознания, предметом же авторского видения и изображения оказывается сама *функция самосознания*» [18: 65]. М.М.Бахтин очень точно определил способ включения в текст романа того, что именуется социальным и психологическим обоснованием действий человека.

Не претендуя на полноту и исчерпанность в характеристике процедуры дискурсивного анализа применительно к определенному аспекту анализа художественного дискурса, мы завершим нашу статью выводом о том, что дискурсивный анализ художественного произведения возможен в виде реконструкции творческого процесса создания его автором текста как конечного результата этого процесса. Дискурсивный анализ – это анализ комплексный, требующий учета как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Причем экстралингвистические факторы вторичны и служат лишь дополнительным обоснованием тех выводов, к которым приводит исследователя языковой материал. Трудно не согласиться с мнением Е.С.Головки, который подчеркивает: «В отличие от выводов, основанных на применении количественных методов, результаты дискурсивного анализа не могут претендовать на точность, объективность и масштабность, но они открывают возможность более свободного взгляда на объект исследования, более гибкого использования различных инструментов анализа, отказа от обязательных обобщений, принципиального допущения «неточных выводов» [15: 275].

1. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В.Степанов. Изд. 7. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с. (Лингвистическое наследие XX века).
2. *Бахтин Н.Б., Головка Е.В.* Социолнгвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ

- «Гуманитарная академия», Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивное пространство «живого» слова // Н.А.Алефиренко. «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
 4. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.
 5. *Белоус Н.А.* Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 53 – 63.
 6. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
 7. *Кибрик А.А.* Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126 – 139.
 8. *Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
 9. *Миронова О.А.* Дискурс-анализ оценочной семантики. – М.: НВИ-Тезаурус, 1997. – 158 с.
 10. *Руднев В.П.* Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса: дис. ... докт. филол. наук. – Москва, 1996. – 210 с.
 11. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». – 362 с.
 12. *Чернова С.В.* Деятельность: лингвистический анализ. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – 213 с.
 13. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. – М.: Правда, 1977. – 544 с.
 14. *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и канун XXI века. – М.: Советский писатель, 1989. – 656 с.
 15. *Головко Е.В.* Дискурс и дискурсивный анализ // Н.Б.Вахтин, Е.В.Головко. Социоллингвистика и социология языка: Учебное пособие.– СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – С. 253 – 277.
 16. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф. – 384 с.
 17. *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
 18. *Бахтин М.М.* К диалогическому пониманию личности // Психология личности / под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузыряя, В.В.Архангельской. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 64 – 73.

A LANGUAGE MODEL OF HUMAN BEHAVIOR: DISCOURSE ANALYSIS

S.V.Chernova

Based on the behavior model of R.Raskolnikov, the protagonist of F.M.Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment", the article characterizes art discourse as an author's constructive process of image creation. The article considers the language behavior model of the character as a scheme of his purposeful activity from the conception to its implementation, the activity determined by certain motives and goals, and reflected in language forms. The basic unit of our analysis is the statement from the text of the novel forming a dynamic entity of discourse, limited to the semantic framework of "conception to implementation" and explicating key concepts correlated to the concept of "crime". The article shows the interdisciplinary nature of the discourse approach to the analysis of language material and the importance of extralinguistic factors for the description of discourse.

Key words: art discourse, image of the character, language behavior model, discourse analysis, interdisciplinary approach.

1. *Gal'perin I.R.* Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya / Otv. red. G.V.Stepanov. Izd. 7. – М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. – 144 s. (Lingvisticheskoe nasledie XX veka). (in Russian)
2. *Vaxtin N.B., Golovko E.V.* Sociolingvistika i sociologiya yazyka: Uchebnoe posobie. – SPb.: IC «Gumanitarnaya akademiya», Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. – 336 s. (in Russian)
3. *Alefirenko N.F.* Diskursivnoe prostranstvo «zhivogo» slova // N.A.Alefirenko. «Zhivoe» slovo. Problemy funkcional'noj leksikologii. – М.: Flinta: Nauka, 2009. – 344 s. (in Russian)
4. *Arutyunova N.D.* Diskurs // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'. – М.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1990. – S. 136 – 137. (in Russian)
5. *Belous N.A.* Kognitivnyj dissonans kak odin iz faktorov vznikoveniya konfliktnogo diskursa // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2008. – № 1. – S. 53 – 63. (in Russian)
6. *Karasik V.I.* Yazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. – М.: Gnozis, 2004. – 390 s. (in Russian)
7. *Kibrik A.A.* Kognitivnye issledovaniya po diskursu // Voprosy yazykoznanija. – 1994. – № 5. – S. 126 – 139. (in Russian)
8. *Makarov M.L.* Osnovy teorii diskursa. – М.: ITDGGK «Gnozis», 2003. – 280 s. (in Russian)
9. *Mironova O.A.* Diskurs-analiz ocenочноj semantiki. – М.: NVI-Tezaurus, 1997. – 158 s. (in Russian)
10. *Rudnev V.P.* Teoretiko-lingvisticheskij analiz xudozhestvennogo diskursa: dis.... dokt. filol. nauk. – Moskva, 1996. – 210 s. (in Russian)

11. *Shejgal E.I.* Semiotika politicheskogo diskursa. – M.: ITD GK «Gnozis». – 362 s. (in Russian)
12. *Chernova S.V.* Deyatel'nost': lingvisticheskij analiz. – Kirov: Izd-vo VyatGGU, 2008. – 213 s. (in Russian)
13. *Dostoevskij F.M.* Prestuplenie i nakazanie. – M.: Pravda, 1977. – 544 s. (in Russian)
14. *Karyakin Yu.F.* Dostoevskij i kanun XXI veka. – M.: Sovetskij pisatel', 1989. – 656 s. (in Russian)
15. *Golovko E.V.* Diskurs i diskursivnyj analiz // N.B.Vaxtin, E.V.Golovko. Sociolingvistika i sociologiya yazyka: Uchebnoe posobie. – SPb.: IC «Gumanitarnaya akademiya», Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. – S. 253 – 277. (in Russian)
16. *Rudnev V.P.* Slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevye ponyatiya i teksty. – M.: Agraf. – 384 s. (in Russian)
17. *Shmid V.* Narratologiya. – M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s. (in Russian)
18. *Baxtin M.M.* K dialogicheskomu ponimaniyu lichnosti // Psixologiya lichnosti / pod red. Yu.B.Gippenrejter, A.A.Puzyreya, V.V.Arangel'skoj. – M.: AST: Astrel', 2009. – S. 64 – 73. (in Russian)

* * * * *

Чернова Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вятского государственного гуманитарного университета.

610002, Россия, Киров, ул. Красноармейская, 26.
E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

Chernova Svetlana Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Vyatka State University of Humanities.

26 Krasnoarmeyskaya Str., Kirov, 610002, Russia
E-mail: svetl.ch2011@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.02.2015